





ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВРЕМЕНИ

Павел Гнилорыбов

# МОСКВА

## В ЭПОХУ РЕФОРМ

От отмены крепостного права  
до Первой мировой войны



МОСКВА  
2017

УДК 908(470-25)  
ББК 63.3(2-2Москва)  
Г56

**Гнилорыбов, Павел Александрович.**  
Г56 Москва в эпоху реформ: от отмены крепостного права до Первой мировой войны : путеводитель путешественника во времени / Павел Гнилорыбов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 528 с. : ил. — (Путешественники во времени).

ISBN 978-5-699-92281-9

Только в 1860-е годы, вместе с реформами Александра II, Москва станет истинным городом, кипучим, деятельным, отчасти европейским, но при этом не растеряет национальных русских черт. До начала Первой мировой — пятьдесят с небольшим лет. Полвека, от великих реформ до великой войны.

Как изменилась Москва на рубеже веков? Как протекали процессы урбанизации? Как росла, прихорашивалась столица, но при этом не замалчивала текущих проблем и честной бедности? Отправляемся в путь!

УДК 908(470-25)  
ББК 63.3(2-2Москва)

ISBN 978-5-699-92281-9

© Гнилорыбов П.А., текст, 2016  
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

## Содержание

Введение .....	7
I. Перемены стучатся в дверь .....	13
II. Шестидесятые и накануне .....	19
III. Семидесятые .....	71
IV. Восьмидесятые .....	109
V. Девяностые .....	148
VI. Нулевые .....	176
VII. Как искали национальный стиль .....	263
VIII. Как обрели главного поэта .....	286
IX. Николай Алексеев .....	297
X. Чем удивляли иностранцев .....	308
XI. Первые экскурсии школьников .....	318
XII. Как ломали копы в городской думе .....	327
XIII. Как жил Хитров рынок .....	340
XIV. Бесстыдный стиль модерн .....	356
XV. Мангуст по кличке Сволочь .....	367
XVI. Книжные страсти .....	374
XVII. Как запечатлевали прошлое .....	387
XVIII. Как защищали город .....	397
XIX. Где обедали .....	418
XX. Как бунтовали .....	450
XXI. На запад! .....	474
XXII. «Тучерезы» лезут вверх .....	485
XXIII. О чем мечтали .....	502
XXIV. Конец прекрасной эпохи .....	513
XXV. Как научиться любить Москву .....	517

## ПОСВЯЩАЕТСЯ

дражайшим родителям, моим дорогим друзьям,  
пушистым котам Маше и Сене,  
великолепным Агнии Сергеюк и Наталье Заморской,  
а еще трем квартирам в пределах МКАД,  
которые сделали написание этой книги возможным

# Введение

*О, Москва, Москва! — жить и умереть в тебе,  
белокаменная, есть верх моих желаний. Признаться,  
брат, — расстаться с Москвою для меня все равно, что  
расстаться с раем.*

В. Г. Белинский, 1833

*Москва погубила меня... в ней нечем жить и нечего  
делать, и нельзя делать, а расстаться с нею — тяже-  
лый опыт.*

В. Г. Белинский, конец 1830-х

*...Эх, Москва, кем хоть раз были хаемы  
С незапамятных дней старины  
Твои калачи с расстегаями,  
Твои пироги да блины!..*

*Задирается через бульвары и вывески  
Сухаревки заиндевевший нос...  
А с неба, над часовнею Иверской  
Наклонился Иисус Христос!..*

Н. Я. Агнiewicz

Москва традиционно считается городом, который несколько веков рос стихийно и без предварительного плана. Кривые улочки не имели привычной для нас сплошной линии фасадов, и Москва полностью оправдывала обидное прозвище «большой деревни». Сердцем столицы издавна был Кремль. Он воспринимался как полноценное автономное поселение, а за пределами стен шла своя жизнь — бестолковая, бойкая, торговая. Пространство московского Китая, Белый и Земляной город, заливные луга, сады, бесконечные урочища, избушки, дороги... Москва XV—XVII веков со своим слободским устройством во многом занималась обслуживанием княжеского и царского двора. Дальше шло кольцо монастырей-сторожей, которое верующие люди называли «ожерельем Богородицы».

Однако внешняя неупорядоченность искупалась особой поэтикой городского пространства. Дадим слово Дон-Аминадо: «Санкт-Петербург пошел от Невского Проспекта, от циркуля, от шахматной доски. Москва возникла на холмах: не строилась по плану, а лепилась. Питер — в длину, а она — в ширину. Росла, упрячилась, квадратов знать не знала, ведать не ведала. Посад к посад, то вкривь, то вкось, и всё вразвалку, медленно, степенно. От заставы до другой, причудю, зигзагом, кривизной, из переулка в переулок, с заходом в тупички, которых



«Вид Моховой и дома Пашкова в Москве», Жерар Делабарт

ни в сказке сказать, ни пером описать. Но всё начистоту, на совесть, без всякой примеси, без смеси французского с нижегородским, а так, как Бог на душу положил». Если хорошенько постараться, то за один-единственный день в Москве XIX века мы бы обнаружили и непроходимую рощу, и прохладные пруды, и болота, и пасторальные села, и оживленные торговые улицы. Константин Аксаков с восторгом говорил Ивану Панаеву, когда они прогуливались в районе Москвы-реки близ Дорогомилова: «Есть ли на свете другой город.. в котором бы можно было расположиться так просто и свободно, как мы теперь?.. Далеко ли мы от центра города, а между тем мы здесь как будто в деревне». Пассаж о деревне повторяется в произведении Тургенева. В век конных экипажей поездка в противоположную часть города воспринималась как длительное путешествие. В романе «Накануне» отец семейства мучительно доказывает жене, что полная нелепость «...скакать из Кунцева



Вид на Замоскворечье. Часть панорамы Д. Индейцева

в Москву, а из Москвы в Царицыно, а из Царицына опять в Москву, а из Москвы опять в Кунцево».

Но находились же волевые люди и правители, старавшиеся изменить этот издавна заведенный хаос? Да, такие имелись, но вплоть до XIX века Москве удавалось эти попытки успешно игнорировать. Рассмотрим несколько типичных примеров. На заре Московского княжества главным бичом города считались пожары. Порой стихийные бедствия толковались посадской толпой как наказание свыше. В 1493 году очередной «красный петух» уничтожил чуть ли не половину города. Огонь вспыхнул в Замоскворечье и был перенесен ветром в центральную часть столицы. Погибло около 200 человек. Разрушительная сила огня была помножена на эсхатологические настроения москвичей: 1492 год в древнерусском летоисчислении предстал 7000-м годом от сотворения мира. Все дружно ждали конца света и небесных кар за грехи, о чем свидетельствует митрополит

Киприан: «Ныне последнее время, и летам скончание приходит и конец веку; бес же весьма рыкает, хотя всех поглотить, по небрежению и лености нашей. Ибо оскудела добродетель, перестала любовь, удалилась простота духовная, и зависть, лукавство и ненависть водворились».

Огонь затронул и княжескую семью. Иван III лично помогал разбирать сгоревшие здания, и вплоть до осенних холодов ему пришлось переехать из пострадавшего Кремля в район сельца Подкопаева. Встревоженный страшными событиями, Иван издает любопытный указ о полной очистке всей территории вокруг Кремля: «Того же лета повеление великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглимною; и постави меру от стены до дворов сто сажень да девять». Москвичи кряхтели и вздыхали, но выполняли предначертание власти. Цифра в 109 сажень стала не только противопожарной мерой, но и сакральной границей, за которую нельзя переступать. В советский период черта оседлости для неугодных выросла до 100 километров.

Попытки навести порядок в городской среде мы находим и позже. В XVII веке Красная площадь воспринималась обывателями отнюдь не как торжественный плац-парад. Храм Покрова на Рву восхищал иностранцев, сияли на солнце часы Спасской башни, но простые посадские люди спешили на площадь за покупками. Проезды и проходы были заняты мелочными торговцами, предлагавшими квас, сбитень, блины, лубочные картинки. Это вызвало гнев Федора Алексеевича, выпустившего в 1679 году специальный указ: «А которые всяких чинов торговые люди ныне торгуют на Красной площади, и на перекрестках, и в иных неуказанных местах, поставя шалаши, и скамьи, и рундуки, и на веках всякими разными товарами: и те шалаши, и скамьи, и рундуки, и веко с тех мест великий государь указал сломать и впредь на тех местах никому, ни с какими товарами торговать, чтобы на Красной площади и на перекрестках стеснения не было».

В XVII веке вносить исправления в столичную стихию взялся будущий император. Петра Великого можно понять — грязно, зловонно, лопухи растут. Да, церковей много, но каков толк от храма, если за пределами своего двора порядок навести не желаешь, дохлые кошки валяются да «иная мертвечина»? При Петре Москва напоминала центральный город только издали: «Народ валом валил вдоль узкой навозной улицы. Из дощатых лавчонок перегибались, кричали купчишки, ловили за полы, с прохожих рвали шапки, — зывали к себе. За высокими заборами каменные избы, красные, серебряные крутые крыши, пестрые церковные маковки. Церковей — тысячи. И большие пятиглавые, и маленькие — на перекрестках — чуть в дверь человеку войти, а внутри десятерым не повернуться. В раскрытых при-



Воробьевы горы и знаменитое наводнение 1908 г.

творах жаркие огоньки свечей. Заснувшие на коленях старухи. Косматые, страшные нищие трясут лохмотьями, хватают за ноги, гнусава, заголяют тело в крови и дряни... Проходим в нос безместные страшноглазые попы суют калач, кричат: «Купец, идем служить, а то — калач закушу...» Тучи галок над церквушками...» Приказная картина наводит сон. «В сводчатых палатах Дворцового приказа — жара, духота — топор вешай. За длинными столами писцы, свернув головы, свесив волосы на глаза, скрипят перьями. В чернилах — мухи. На губы, на мокрые носы липнут мухи. Дьяк наелся пирогов, сидит на лавке, в дремоте».

Петру не на кого опереться в старом городе. Франц Лефорт умирает, остается Алексашка Меншиков, а у того обе руки вороватые. Император не сдастся. Возносится Меншикова башня, радуется глаз Сухарева, растут дворцы, заводится театр. Но московская стихия сопротивляется и тянет назад. Петру ничего не остается, как перенести столицу в Петербург, дабы новый город соответствовал монаршему нраву. Всегда легче строить с нуля, нежели исправлять дарованное предками. Москву оставляют в покое, полтора столетия подряд она объедается на масляную и месит дивный калач из патриархального воспитания и университетской образованности.

---

Только в 1860-е годы, вместе с реформами Александра II, Москва станет истинным городом, кипучим, деятельным, отчасти европейским, но при этом не растеряет национальных русских черт. До начала Первой мировой Провидение отмерило Первопрестольной пятьдесят с небольшим лет. Полвека, от великих реформ до великой войны. В начале XX столетия московский губернатор В. Ф. Джунковский искренне удивлялся скромному размеру городского хозяйства при его предшественниках: «Оригинальный отчет обер-полицеймейстера за 1811 г., когда в Москве числилось каменных домов 2567, деревянных 6584, гимназий 1, театров 1, клубов 2, благородных и купеческих собраний 2, жителей: мужчин 157 152, женщин 113 032; пожаров за год было 68, убийств 6 и самоубийств 32».

При самом Джунковском жителей — почти два миллиона, центр города радуется шестиэтажными домами, фабрики и заводы охватили Первопрестольную исполинским многокилометровым кольцом. Эта скромная работа поведает заинтересованному читателю о том, как титанически изменилась Москва на рубеже веков, как протекали процессы урбанизации, как росла, прихорашивалась столица, но при этом не замалчивала текущих проблем и честной бедности. Отправляемся в путь!

# I

## Перемены стучатся в дверь

Если смотреть на историю российской столицы поверхностно, то рубеж 1830–1840-х годов не назовешь самым интересным периодом в истории города. Общественная жизнь переместилась в салоны и клубы, литературная — в журналы. Все самое интересное происходило «в интерьерах», а не на улице. М. Гершензон, начиная «Историю молодой России», отмечает, что именно в эти годы заработал «ледокол» русской мысли: «Стоит лишь сравнить Чацкого, Онегина, Печорина с любым идеалистом 30-х годов, чтобы оценить всю важность перемены: там, где первые только холодно и высокомерно презирали окружающую среду за ее пошлость и умственное ничтожество, там Станкевич и Белинский болеют сердцем или страстно ненавидят»<sup>1</sup>.

«Вовне» значительных событий не происходило, строительство храма Христа Спасителя только начиналось, железная дорога в город еще не пришла. Вряд ли, конечно, репрезентацией московской уличной жизни той поры мы вправе считать известную картину Добужинского «Город в николаевское время», но громкие события будто покинули вторую столицу в период между войной 1812 года и эпохой великих реформ Александра II. Простого обывателя смена генерал-губернаторов и открытие очередной гимназии, очевидно, заботили мало — он жил интересами своей семьи, района, церковного прихода. Мы изучили официальные отчеты московского городского обер-полицмейстера за 1830–1840-е годы, чтобы понять, насколько сильно изменился социальный характер города за это, казалось бы, «потерянное» пятилетие. В 1838 году в Москве проживало 348 562 чел., в 1839 году — 349 068 чел., в 1840 году — 347 224 чел., в 1841 году — 349 167 чел., в 1842 году — 357 185 чел., в 1843 году — 369 912 чел. За пять лет население города увеличилось больше чем на 20 тысяч человек (или на 5,77%).

---

<sup>1</sup> Гершензон М. О. История молодой России. М.; Пг., 1923.

Карьеру в 1830—1840 годы предпочитали делать в Петербурге. Число чиновников, несмотря на рост населения, оставалось примерно одинаковым и колебалось в пределах 3—4 тысяч человек. Гражданских служащих в Москве в 1838 году насчитали 3065 чел., в 1839 году — 2923 чел., в 1840 году — 3993 чел. (из них больше тысячи пока не имеют чинов), в 1841 году — 4393 чел., в 1842 году — 4023 чел., в 1843 году — 3431 чел. Значительное число чиновников уже закончили свою службу в «чернильных» учреждениях. Так, в 1843 году отчет фиксирует 3240 отставных гражданских служащих.

Медленно, но верно растет значение купечества. Оно готовится к выходу на историческую арену. В 1838 году в Москве было 10 752 представителя купечества обоего пола, получивших гильдейский документ в Первопрестольной, и 1251 иногородний купец. Купцов первой гильдии на весь город — 734. Основную массу давали купцы третьей гильдии, составлявшие 86,6% всего проживавшего в городе торгового сословия. В 1839 году в Москве проживает 12 835 купцов обоего пола, в 1840 году — 16 555 чел., в 1841 году — 16 559 чел. Затем идет резкое статистическое сокращение: отчет 1842 года фиксирует только 10 949 лиц купеческого звания. К 1843 году этот показатель подрастет до 12 945 чел. В 1843 году гильдейское купечество составляло лишь 3,5% населения Москвы.

С некоторыми колебаниями растет число почетных граждан: в 1838 году их было 682 чел., в 1839 году — 762 чел., в 1840 году — 982 чел., в 1841 году — 1040 чел., в 1842 году — 905 чел., в 1843 году — 993 чел. Важную роль в николаевское время играло духовенство. В 1838 году Москву считали своим домом 5154 лица духовного звания (в т. ч. 784 монашествующих и 454 монастырских служителя), в 1840 году — 5632 чел., в 1841 году — 5561 чел., в 1842 году — 4961 чел., в 1843 году — 5179 чел. В 1843 году духовенство составляло 1,4% населения.

Не сильно колеблется число проживающих в Москве иностранцев. В 1838 году их было 3371, в 1839 году — 4089, в 1840 году — 3830, в 1841 году — 3864, в 1842 году — 3848, в 1843 году — 3853 человека. Значительный процент населения составляют мещане, московские и иногородние. В 1838 году таковых было 57 989 чел., в 1839 году — 55 380 чел., в 1840 году — 63 588 чел., в 1841 году — 63 189 чел., в 1842 году — 59 602 чел., в 1843 году — 60 796 чел. Единожды, в отчете 1841 года, мелькает категория «разночинцы». Таковых было 7589 жителей.

Несмотря на явное превосходство относящих себя к православным, растет число представителей других конфессий. В городе действуют католические и лютеранские соборы. Отчет 1839 года фиксирует в городе 115 англикан, 5430 католиков, 3186 лютеран, 296 армяно-григориан,

270 мусульман, 475 иудеев. Из последних 115, как ни странно, являлись нижними чинами московской полиции. Отчет 1843 года говорит о 228 англиканах, 1697 католиках и 469 последователях «реформатского исповедания», 6400 лютеранах, 217 армяно-григорианах, 185 мусульманах и 256 иудеях. В 1839 году инославные верующие составляли лишь 2,9% населения Москвы. Они, несомненно, делали ее портрет более разнообразным, как в конце XVII века несколько сотен жителей Немецкой слободы стали катализатором проводящихся в Российском государстве реформ.

Несмотря на довольно высокий темп прироста населения, в Москве сохраняется невероятный уровень младенческой смертности. В 1843 году в городе умерло 35% младенцев мужского пола и 31% новорожденных женского пола. В том же году «браком сочеталось» 1658 пар. Среди статистических данных о смертности особый интерес представляет раздел «Нечаянно умерло». Обер-полицмейстер отчитывался, что в 1843 году утонуло 11 человек, «найдено всплывших тел» — 7, «от разных ушибов и раздавленных тяжестями» — 20, на пожаре погиб 1 человек, «утонуло в ретирадном месте» — 1, «задохлось от испорченного воздуха в водопроводной канаве» — 1. В Москве в тот год 2 человека погибло от удара молнией. Среди внезапных смертей господствует апоплексический удар (114 человек),



Художник О. Кадоль запечатлел Горбатый мост в районе Пресни